

Масаев М.В.

МОЖЕТ ЛИ ЖИВОТНОЕ ПЕРЕЙТИ ОТ РЕФЛЕКТОРНОГО К БЕЗРЕФЛЕКТОРНОМУ, СИМВОЛИЧЕСКОМУ, ПОВЕДЕНИЮ? (ФИЛОСОФСКИЕ, БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ)

Человек живёт в мире символов. И в этом его отличие от животных, для которых каждый предмет просто равен самому себе (точнее сиюминутной реакции животного на этот предмет), а потому не является ни знаком, ни символом.

Андрей Кураев, референт Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси. «Женщина в церкви».

Ровно 150 лет назад, в 1859 году, мир увидел “The origin of species by means of natural selection” («Происхождение видов путём естественного отбора») Чарльза Дарвина. Несостоятельность взглядов английского натуралиста сразу же была показана Н. Я. Данилевским в его капитальной работе «Дарвинизм. Критическое исследование» [7].

«Дерзость» «малоизвестного человека» по отношению к «гиганту современной мысли» [6, с. 44] до настоящего времени оказалась практически незамеченной.

В России разве только К. А. Тимирязев резко отреагировал на «дерзость» Н. Я. Данилевского, сделав тем самым ей своеобразную рекламу, но и это не помогло известности книги Н. Я. Данилевского, который остался знаменитым только в связи с другой своей книгой «Россия и Европа» [8].

Тем более книгу русского учёного-энциклопедиста против учения Ч. Дарвина проигнорировали в Европе.

Зато Ч. Дарвин стал настолько популярен, что даже «Ватикан признал, что теория эволюции не противоречит христианской вере» [2, с. 5]. И это не какой-то там католический монах-иезуит учёный-палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден со своим «Феноменом человека» [3], с интерполяцией этого феномена до человеческой сущности советского и российского философа Бориса Старостина в работе «От феномена человека к человеческой сущности» [4, с. 3-36], а целый архиепископ Джанфранко Равази с его сделанным в феврале 2009 года заявлением, что «то, что мы подразумеваем под эволюцией, - это мир, созданный Богом» [2, с. 5]. Архиепископ подчеркнул, что «католическая церковь никогда официально не порицала теорию Дарвина» [135, с. 4]. А в 1950 г. папа Пий XII заявил, что она (гипотеза Дарвина – М. М.) «представляет собой обоснованный научный подход к объяснению развития человека». В 1996 году понтифик Иоанн Павел II назвал эволюцию «больше, чем гипотезой» [135, с. 4].

Гипотеза Ч. Дарвина стала «теорией» и отправным аксиоматическим пунктом для дедукции иных «теорий», в том числе и «трудовой теории антропогенеза» Ф. Энгельса, изложенной последним во фрагменте его «Диалектики природы» под названием «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [5, с. 486-499].

Ещё большую известность получают такие ответвления дарвинизма как мальтузианство Томаса Роберта Мальтуса и социал-дарвинизм Герберта Спенсера. Т. Р. Мальтус, возведя в абсолют дарвиновскую «борьбу за существование», стал идейным вдохновителем империалистических кругов при развязывании ими захватнических войн. Фактически такую же роль играет и социал-дарвинизм Г. Спенсера. Хотя и энгельсовское ответвление дарвинизма не так уж безобидно, как и сам дарвинизм в целом. Не случайно Н. Я. Данилевский считал вопрос о «правоте или неправоте Ч. Дарвина» важным не только «для зоологов и биологов», но и «для всякого мало-мальски мыслящего человека» и считал важность этого вопроса таковой, что «нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности» [7, с. 18]. Н. Я. Данилевский считал вопрос правоты или неправоты Ч. Дарвина важнее взаимоотношений России и Европы, но потомки его не поняли. Хотя мысль Н. Я. Данилевского о важности вопроса правоты или неправоты Ч. Дарвина подтверждают бушующие вокруг гипотезы Ч. Дарвина страсти. Чего только стоит «обезьяний процесс» 1925 г. в штате Теннесси (США) [9, с. 904], закон американского штата Арканзас и посвящённые этому закону стихи известного советского поэта Демьяна Бедного:

«Доллар против дарвинизма,
Арканзасский янки горд.
Хоть по части кретинизма,
Но поставлен всё ж рекорд».

Противник дарвинизма – «кретин», а Ф. Энгельс – «вождь мирового пролетариата». Против таких «научных» аргументов бороться очень трудно. Но, тем не менее, попытаемся это сделать.

Актуальность исследования. Рассматриваемый в статье вопрос о правоте или неправоте Ч. Дарвина и Ф. Энгельса актуален и потому, что, по выражению Н. Я. Данилевского, «нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности», и потому, что он весьма и весьма далёк от разрешения.

Цель работы: показав несостоятельность гипотезы Ч. Дарвина о «происхождении видов путём естественного отбора» и вытекающей из неё гипотезы Ф. Энгельса о «роли труда в процессе превращения обезьяны в человека», доказать невозможность для животных перейти от рефлекторного к безрефлекторному (символическому) поведению и ещё раз подчеркнуть роль символа как чисто человеческого регулятора поведения.

Автор избегает приводить против дарвинизма главный аргумент креационистов – наличие Бога, так как даже при значительном количестве верующих среди сотрудников ВАКа Украины такой аргумент вряд ли будет там достаточно основательным. Мы уже говорили о том, что некоторые католические епископы и монахи-иезуиты верят в безбожного Дарвина, а большинство учёных-биологов признают одновременно взаимоисключающие друг друга дарвинизм и генетику и даже пытаются создать вопреки формальной логике эволюционную теорию, сочетающую и достижения дарвинизма, и достижения генетической науки [52]. А при таком «логически грамотном» мире науки такой аргумент, как наличие Бога, вряд ли сработает.

Начнём с заявления доктора психологических наук, профессора, академика АПН СССР Г. С. Костюка: «Созданная Энгельсом теория антропогенеза стимулировала антропологов и психологов к новым изысканиям, к сравнительности генетическим исследованиям, обогатившим науку новыми данными о роли труда в «очеловечивании» наших предков» [10, с. 6].

Изысканий было много. Как мучился советский философ во втором поколении Генрих Хрустов! Не имея возможности работать в обезьяньих питомниках, он держал обезьянку дома. Но она... в человека **не превратилась**, хотя и жила среди людей и получила чисто «человеческое» воспитание.

Посмотрим на результаты изысканий в обезьяньих питомниках, где обезьяны жили под присмотром людей. Хотя согласно Ч. Дарвину и Ф. Энгельсу обезьяна должна была «превращаться» в человека без участия человека, которого ещё не было. Всем известна аксиома Ф. Энгельса о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека. Но труд не мог превратить обезьяну в человека. «Что для человека является совершенно элементарным актом, с которого он начинает своё развитие, то для обезьяны – предел достижения», - писал доктор биологических наук, профессор Н. Ю. Войтонис, много лет проработавший в лаборатории сравнительной психологии при обезьяньем питомнике в Сухуми, в книге «Предыстория интеллекта» [11, с. 190]. Работая в той же лаборатории член-корреспондент РАН А. Г. Спиркин утверждает, что «животное не обладает ни сознанием, ни тем более самосознанием» [12], [13, с. 366], даже обезьяны, которые «могут иногда применять различные предметы для добывания пищи, например, разбивать камнем орех, доставать палкой плод». [12], [13, с. 366]. Ведь «эти предметы в руках обезьяны – не настоящие орудия, а действия с ними – не настоящий труд». [12], [13, с. 366]. В конце концов «ни одна обезьяна не изобрела ни одного орудия». [12], [13, с. 366].

Доктор биологических наук профессор Н. А. Тих в работах «Предыстория общества» [14] и «Ранний онтогенез поведения приматов. Сравнительно-психологическое исследование» [15] приходит к следующим выводам: «в отличие от человека у обезьяны отсутствуют изобразительные движения, они обладают только «выразительными движениями», «на стадии приматов до человека использовались почти все возможности коммуникативной функции общения, но нет никаких признаков наличия семантической функции, вместе с появлением которой можно говорить о зарождении речи», тем более, что «...звукоподражание человеческой речи по крайней мере для низших обезьян недоступно. Успехи, достигнутые отдельными авторами в опытах с шимпанзе (это уже не низшие, а высшие, человекообразные обезьяны – М. М.), не превышают успехов, полученных дрессировщиками на собаках» [14, с. 266-268]. Что касается замечания «по крайней мере для низших обезьян», то это следует понимать как то, что Н. А. Тих работала в Сухуми именно с низшими обезьянами, высшие были для СССР слишком дороги. После неудачных опытов доктора И. И. Иванова и его сына по скрещиванию шимпанзе с людьми и в Африке, и в Сухуми (опыт по скрещиванию английских и украинских свиной здесь не пригодился) от импорта дорогих шимпанзе отказались. И если увлечённый идеей происхождения человека от обезьяны Чарльз Дарвин в работе «Выражение эмоций у человека и животных» [16] полагает, что у животного, как у человека, за жестом скрывается намерение поведения, то Дж. Г. Мид доказывает, что «животное ничего не намерено выражать, его поведение, скорее, является, неконтролируемым выходом энергии импульса» [17, с. 296]. Интересно, что создавший одновременно с Ч. Дарвином (1809-1882) теорию естественного отбора Алфред Рассел Уоллес (Alfred Russel Wallace) (1823-1911), но признавший приоритет Ч. Дарвина [18], [19], отмечавший то, что Ч. Дарвин считал, что «гордость, удовлетворение и стыд», а также «зачатки языка» свойственны и животным [20, с. 462], был убеждён, что «интеллектуальные и моральные» способности человека «должны были иметь иное происхождение» (must have had another origin) [20, с. 478], и происхождение это может иметь адекватной причиной лишь «невидимый мир Духа» (unseen universe of Spirit) [20, с.478]. Большая Советская Энциклопедия поспешила назвать это идеализмом [18, с. 68]. Но нельзя материализовать сознание. Не случайно А. Г. Спиркин считает, что «если бы образ предмета не был субъективным, а был бы его материальным отражением, то никакое познание не было бы возможным» [13, с. 346]. Британская детская энциклопедия не посчитала разницу во взглядах Ч. Дарвина и А. Р. Уоллеса существенной [21, с. 240-241], а советский социальный психолог Б. Ф. Поршнев, в отличие от большинства советских авторов, сумел вырваться из плена идей Ч. Дарвина и Ф. Энгельса и пришёл к выводу, что «нет прямой лесенки от звуков и криков, издаваемых животными или ребёнком в доречевой период жизни, к речи, от навыков и смыслённых действий даже самых высших животных к человеческой мысли...», а «вторжение в высшую нервную деятельность специфических систем человеческого общения не есть ни пристройка, ни надстройка к прежнему. Это переворот». [22, с. 130], [23, с. 131].

Об этом же пишет и католический монах-иезуит, эволюционист Мари Жозеф Пьер Тейяр де Шарден: «Разумеется, животное знает. Но, безусловно, оно не знает о своём знании – иначе оно бы давным-давно

МОЖЕТ ЛИ ЖИВОТНОЕ ПЕРЕЙТИ ОТ РЕФЛЕКТОРНОГО К БЕЗРЕФЛЕКТОРНОМУ, СИМВОЛИЧЕСКОМУ, ПОВЕДЕНИЮ? (ФИЛОСОФСКИЕ, БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ)

умножило изобретательность и развило бы систему внутренних построений, которая не ускользнула бы от наших наблюдений. Следовательно, перед животными закрыта одна область реальности, в которой мы развиваемся, но куда оно не может вступить. Нас разделяет ров или порог, непреодолимый для него. Будучи рефлектирующими, мы не только отличаемся от животного, но мы иные по сравнению с ним. Мы не простое изменение степени, а изменение природы, как результат изменения состояния» [3, с. 137].

«Животные не могут складывать вместе различные свойства своего вида; они не могут ничего сделать для общей пользы и для общих удобств своего вида. Иное дело человек. Здесь самые разнообразные дарования и виды деятельности оказываются полезными друг другу, потому что люди умеют собирать свои «различные продукты в одну общую массу» [24, с. 386], - писал К. Маркс.

Человеческое отражение действительности – это его отношение к ней, животное же, по словам друга автора «трудовой теории» происхождения человека от обезьяны Ф. Энгельса К. Маркса, «не «относится» ни к чему и вообще не «относится» [25, с. 29]. Животное символами оперировать не может, да и без речи символ как регулятор поведения невозможен. Даже неандерталец не способен к речи и к мышлению. Его нижняя челюсть не приспособлена к произнесению членораздельных звуков, а в лобных долях мозга отсутствуют соответствующие структуры, хотя средняя масса мозга неандертальца даже превышает среднюю массу мозга кроманьонца. И никакой труд не дал бы неандертальцу другой подбородок и другие лобные доли мозга. Дилетантские публикации в «Интересной газете» типа «Неандертальцы могли разговаривать?» [26, с. 5] серьёзно воспринимать нельзя. Труд генотипа не меняет. Почему генетиков в СССР и преследовали – ведь генетика не оставляет места никакому дарвинизму и уж никакому происхождению человека от обезьяны, да и всему марксизму в целом, который крупный советский и российский философ, член-корреспондент РАН А. Г. Спиркин характеризует не иначе как «религию идолопоклонства» [13, с. 18]. Но, тем не менее, именно К. Марксу принадлежат слова о том, что «животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится» [25, с. 29] и именно он призывал относиться к действительности не только в форме объекта, но и... субъективно [27, с. 1]. Но даже осознание последнего тезиса К. Маркса такими советскими академиком как С. Л. Рубинштейном [28] и А. Н. Леонтьевым [29] не изменило в целом слишком догматического, идеологизированного, загнанного до уровня домарковского материализма подхода, который, сам того не желая, предопределил Ф. Энгельс своим фрагментом «диалектики природы» «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [5, с. 486-499]. В плену этого подхода оказались и академик АПН СССР А. Н. Леонтьев в своих «Проблемах развития психики» [30], [31], [32], за которые он в 1963 г. получил Ленинскую премию, и в своём последнем шедевре «Деятельность. Сознание. Личность» [33], и член-корреспондент РАН А. Г. Спиркин в своём «Происхождении сознания» [12]. Пытался выйти из этого плена советский социальный психолог Б. Ф. Поршнев [22], [23], [34], но очень робко и малозаметно.

Назвав человека «существом историческим» [36, с. 7] с «историческим сознанием» [36, с. 8] историк академик М. А. Барг пишет: «... историческое сознание явилось духовным выражением факта поистине космического значения – возникновения на Земле нового, качественно отличного от естественного – социального, т. е. собственно исторического, мира» [36, с. 8].

Таким образом, между психикой животного и сознанием человека лежит «пропасть», непреодолимые для животного «ров» и «порог», действительное преодоление которых есть «переворот», «изменение природы», «факт поистине космического значения» или просто «чудо», механизм совершения которого, как и любого чуда, человек постигнуть не смог.

Но «только человек может развиваться как действительно общественный вид, животные же все в равной мере субсоциальны» - пишет Реми Шовен в книге «От пчелы до гориллы» [37], [Цит. по: 35, с. 90]. И «все сложные реакции, которые животные выполняли при экспериментах с ними, как заключает уже цитированный нами Н. Ю. Войтонис, лежали обычно в русле первичного пищевого устремления, в русле инстинкта» [11, с. 16]. Не обнаружено было и звукоподражание человеческой речи в опытах с приматами. Как пишет уже цитированная нами Н. А. Тих, «звукоподражание человеческой речи по крайней мере для низших обезьян недоступно. Успехи, достигнутые отдельными авторами в опытах с шимпанзе, не превышают успехов, достигнутых на собаках» [14, с. 266-268]. Человекообразная обезьяна не смогла превзойти уровня собаки. Никакого движения в сторону превращения обезьяны в человека не было обнаружено, как не было обнаружено и «... никаких признаков наличия семантической функции, вместе с появлением которой можно говорить о зарождении речи» [14, с. 266-268]. К. Маркс и Ф. Энгельс умилились тем, что попугай может употреблять ругательства «как берлинская торговка зеленью». Но человек «произошёл» не от попугая, а от обезьяны, наличия зарождения речи у которой не было обнаружено. Не случайно А. А. Реан, Н. В. Бордовская и С. И. Розум, отметив, что сознание, как новое качество психики, свойственное только человеку, имеет в качестве особенности обладание языком – сложной системой знаков, являющейся единственным средством дискурсивного мышления и главным средством общения и социального наследования – передачи накапливаемого опыта от поколения к поколению, пишут: «Обладание языком приводит к возникновению новых возможностей для манипулирования психическими образами. Пользуясь языком как средством отображения реальности, человек... может осуществлять основное, главное, недоступное ни одному животному умственное действие – выделить и обобщить идеальные по своей сущности отношения и связи между объектом и его свойствами и между отдельными объектами» [38, с. 87]. К. Маркс и Ф. Энгельс также считали, что «язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее и для себя самого, действительное сознание...» [25, с. 29].

А как быть с жестами? А. Валлон считает, что жест может стать знаком. «Жесты символизации, наиболее конкретным примером которых является движение без реального объекта, по мере того, как они утрачивают свою непосредственную связь с движением или предметом, вполне могут способствовать отвлечению образа от вещей и переходу его в умственный план, где могут формулироваться всё менее индивидуальные и субъективные и всё более и более общие отношения. Но в той мере, в какой символизирующие действия необходимы для фиксации, воспроизведения и упорядочивания понятий, они предписывают последним свои собственные, особые условия. Мысль становится бессильной, если вследствие растущей абстракции она порывает все связи с пространством, так как лишь пространство может постепенно привести мысль к предметам.

Движение перерастает само себя, превращаясь в знак».[39, с. 150].

Но Ч. Дарвин приписывал такую способность животным [16]. Это положение, как мы уже показали, опровергали и американец Дж. Г. Мид [17, с. 296], и советская исследовательница Н. А. Тих [14, с. 266-268]. Скорее всего, и А. Валлон относил эту способность только к человеку, хотя он и отмечал в работе «Психическое развитие ребёнка» [39], что «в начальном периоде и у ребёнка, и у молодой обезьяны наблюдаются совершенно аналогичные реакции» [39, с. 152]. Иначе не было бы между «интеллектуальными» действиями приматов и человека такой пропасти, о которой А. Валлон писал в книге «От действия к мысли» [41]. Пропасть эта становится заметной, когда человек в своём развитии начинает овладевать языком. И если «в начальном периоде и у ребёнка, и у молодой обезьяны наблюдаются аналогичные реакции», то «когда ребёнок овладевает речью, он быстро опережает своего компаньона» [39, с. 152]. «Включая отсутствующее прошлое и настоящее, речь позволяет фиксировать, выражать и анализировать настоящее. Она накладывает на моменты текущего опыта мир знаков, являющихся ориентиром мысли в тех сферах, где она может следовать по более свободной траектории, соединяя то, что было разъединено, и разделяя то, что было слито...» [39, с. 153]. В конечном счёте «...представление, которому знак помогает принять чёткие очертания, бесконечно усложняет умственную деятельность» [39, с. 153]. Вот механизм действия знака, как регулятора человеческого поведения. Это уже открытие. И не случайно автор предисловия к цитируемой книге А. Валлона кандидат философских наук Л. Анциферова считает, что «книга Анри Валлона «Психическое развитие ребёнка» принадлежит к числу выдающихся работ в мировой психологической литературе» [40, с. 3]. А. Валлон сумел преодолеть предрассудки и тех, кто считал различие между биологией и общественными науками «непреодолимой пропастью» [[41, с. 234], и тех, кто понимал психологию как «придаток биологии»[41, с. 234], и тех, кто подходил к психологии как к «прихожей общественных наук» [41, с. 234], и тех, кто полагал психологию как «научный гибрид»[41, с. 234]. Для А. Валлона «психология является одновременно биологической наукой и общественной наукой и даёт возможность психологу понять в единстве живое существо и его среду, понять их постоянное взаимодействие и ту общественную борьбу, в которой определяется личность человека» [41, с. 237]. Такой подход и определил высокую продуктивность исследований А. Валлона, он позволил ему увидеть в слове то, что Б. Ф. Поршнев назвал «древнейшим пластом человеческой «второй сигнальной системы» [22, с. 131], [23, с. 132] - это «интердиктивная» (запретительная) функция слова. Название, слово, в том смысле «заменяет предмет», что оно не только заменяет, но и отменяет непосредственно вызываемые этим предметом рефлексы. В том, что слово отменяет рефлексы, и заключается переход от рефлекторного поведения животных к чисто человеческому, безрефлекторному, символическому (по выражению символических интеракционистов) поведению *homo sapiens*. Слово запрещает прямые действия с предметом, манипулирование им, даже прикосновение к нему, заменяя сначала жестом указание на расстояние, и лишь затем как бы разрешает или предписывает некоторые ограниченные и осмысленные действия. У А. Валлона на пути «от действия к мысли» [41] находится такая фаза, когда слово отменяет или запрещает действие. Эта фаза улавливается при изучении процессов речеобразования в раннем детском возрасте, а также при некоторых болезненных нарушениях психических функций взрослого человека, обнажающих эти поистине эволюционно древние пласты «второй сигнальной системы» человека. Именно это и таится за таким простым, на первый взгляд, утверждением, что «для человека слово заменяет обозначаемый им предмет». Своей смысловой, положительной стороной, такие знаки как человеческий жест или слово обращены к миру вещей, но его отрицательная, запрещающая сторона, не видимая глазом, не очень глубоко западающая в сознание, принадлежит, по Б. Ф. Поршневу, «миру человеческих отношений» [22, с. 133], [23, с. 134], которых нет и не может быть у животных. Только человек может жить и живёт, по выражению Джозефа Кэмпбелла, в «духе образов»[42, с. 7]. Только у человека образы становятся символами.

Символом может стать любой знак или образ, включённый в определённую систему социальных (общественных) отношений. В этой системе знаки и образы приобретают новые системные качества [43], [44] и становятся символами, которые кроме видимой структуры (знак, образ) приобретают структуру невидимую, подобно слову, имеющему, по М. М. Маковскому, невидимую структуру[45, с. 73]. Строго-то говоря, любое слово есть символ. Эта присущая слову, как и любому символу, невидимая структура и есть сущность символа, взятая сама по себе. Явлением этой сущности становится знак (образ). Единство невидимой и видимой структур и есть действительность (единство сущности самой по себе и её явления) – символа, также как «действительностью» «сущности человека» является, по К. Марксу, «совокупность всех общественных отношений» [27, с.3]. Если Г. В. Ф. Гегель и К. Маркс выделяют три сущностные категории: сущность сама по себе, или просто сущность; явление сущности, или просто явление, и действительность, как единство сущности и явления; то армянский философ и символик К. А. Свасьян добавляет четвёртую, как единство трёх предыдущих. Поэтому парадигмой символа у него становится четырёхгранник, тетраэдр, или пирамида [46, с. 89]. Не случайно система символизма представляется Андрею Белому в виде мировоззрен-

МОЖЕТ ЛИ ЖИВОТНОЕ ПЕРЕЙТИ ОТ РЕФЛЕКТОРНОГО К БЕЗРЕФЛЕКТОРНОМУ, СИМВОЛИЧЕСКОМУ, ПОВЕДЕНИЮ? (ФИЛОСОФСКИЕ, БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ)

ческой пирамиды, гранями которой должны служить наука и религия, поэзия и естествознание, философия техники и философия искусства, познание и творчество. К вершине пирамиды, по мысли А. Белого, сойдутся монизмы: материализм, идеализм, рационализм, позитивизм, мистицизм, при этом модуляцией послужит история философии и культуры [47, с. 6].

Тезис о символе как системном проявлении знака или образа может и подтвердить и «аксиома В. Ф. Лосева» [48, с. 59], согласно которой «всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков, понимая под контекстом широчайший принцип» [48, с. 59].

И постичь этот «широчайший принцип» не под силу психике животных. Это постижение – удел человеческого сознания.

Но массовое научное сознание продолжает находиться в плену «обезьяньих» гипотез Ч. Дарвина и Ф. Энгельса. «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование..., анализ..., синтез..., эксперимент» [49, с. 537]. Попробуйте сравнить учёного-экспериментатора с проводящей «эксперимент» обезьяной. Ф. Энгельс в качестве примера приводит разбиение ореха – это у него «анализ» [49, с. 537]. Но это только подтверждает слова Н. Ю. Войтониса о «русле первичного пищевого устремления» [11, с. 16] «всех сложных животных реакций» при «человеческих экспериментах с ними» [11, с. 16], за пределы которого не выходят вся «индукция», «дедукция», «абстрагирование», «анализ», «синтез» и «эксперимент» животных.

Вот только экспериментов, доказывающих «превращение» обезьяны в человека или хоть какое-то «очеловечивание» наших «предков» ни К.Маркс, ни Ф. Энгельс, ни Ч. Дарвин не проводили при всех их вполне человеческих способностях.

Интересно, что русский естествоиспытатель, основатель эмбриологии, один из учредителей Русского географического общества, член Петербургской Академии Наук Карл Максимович Бэр, встретивший сначала гипотезу Ч. Дарвина с восторгом, за что Ф. Энгельс поставил его в один ряд с Ж.-Б. Ламарком и Ч. Дарвиным [50, с. 483-484], позже стал «понимать эволюцию в более ограниченных пределах и отвёл человеку особое место в природе» [51, с. 15], что вполне соответствует взглядам цитированного нами эволюциониста Алфреда Рассела Уоллеса [18-21], а в конце жизни «стал допускать эволюцию лишь внутри определённых групп животного мира» [51, с. 15].

Трансформация взглядов К. М. Бэра на эволюцию произошла не без влияния работ его ученика Н. Я. Данилевского, о критическом отношении которого к дарвинизму мы уже писали.

Современная наука никак не может пройти путь отношения к дарвинизму, который прошёл в своей жизни К. М. Бэр.

В 30-40 – х годах XX столетия в результате объединения достижений генетики (генетика и дарвинизм – вещи несовместимые – М. М.), систематики и экологии сложилась эволюционная теория, получившая название синтетической [52, с. 161].

В целом для синтетической теории эволюции, как считает пятое издание российской «Энциклопедии для детей», «характерно редуccionистское мировоззрение, согласно которому свойства целого сводятся к свойствам его элементов... Однако многие проблемы длительных исторических процессов, в ходе которых формируются новые типы организации крупных таксонов (отрядов, классов и т. п.) невозможно решить, изучая только виды и популяции» [52, с. 161]. И с этим нельзя не согласиться.

Чтобы выйти из трясины редуccionизма, глобальная биологическая теория должна выйти за пределы наблюдения за отдельными экземплярами видов и популяций. Если Т. Б. Любимова считает, что учение о человеческих цивилизациях должно выйти «за рамки исторического времени» [53, с. 5], то учение о биологических видах должно выйти за рамки времени биологического. Решение этой проблемы взяли на себя креационисты, которых вряд ли поймут в ВАКе Украины.

В настоящей статье мы лишь пытаемся по мере сил исправить синтетическую теорию и дополнить её символическим интеракционизмом [54-69] и концепцией парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [70-105].

Продуктивность такого подхода мы уже доказали открытием дипластии как ключа к генезису символа [126, 129]. Но опять-таки это открытие феномена внутри таксона, внутри вида *homo sapiens*.

Так что эволюция допустима, в соответствие с учением К. М. Бэра, только внутри отдельных видов.

Преобразование одного вида в другой, в частности обезьяны в человека, не доказано ни Ч. Дарвиным, ни Ф. Энгельсом, ни их многочисленными эпигонами.

Выводы:

1. Перейти от рефлекторного к безрефлекторному, символическому, поведению животное не может.
2. Символ – чисто человеческий регулятор поведения, существенно отличающий человека от животного.
3. О невозможности для животных превратить жесты в сигналы свидетельствуют английский соавтор эволюционной гипотезы Ч. Дарвина А. Р. Уоллес, американский философ и социолог Дж. Г. Мид, французский психолог А. Валлон, советские биологи Н. Ю. Войтонис и Н. А. Тих, советский социальный психолог, историк и философ Б. Ф. Поршнев и советский и российский психолог и философ А. Г. Спиркин. «Человек живёт в мире символов. И в этом его отличие от животных, для которых каждый предмет просто равен самому себе (точнее сиюминутной реакции животного на этот предмет), а потому не является ни знаком, ни символом» [1, с. 26]. Эти слова вынесены в эпиграф не случайно. Референт Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси, выпускник философского факультета МГУ А. Кураев

высказался об этом аспекте отличия человека от животного лучше многих титулованных философов, психологов и биологов.

4. Отсюда с необходимостью вытекает, что не способное перейти от рефлекторного к безрефлекторному, символическому, поведению животное превратиться в человека не может.
5. Труд генотипа не меняет.
6. Нельзя оставлять без внимания высказывание о роли отбора в биологии Константина Короткова, сделанное им на страницах российской Детской энциклопедии в статье «Теория эволюции после Дарвина», а сказал он буквально следующее: «Механизм, связывающий гены организма воедино, обеспечивает им эволюционную стабильность. Если же набор генов перестаёт соответствовать изменившейся среде, то несущий их организм погибает. Вероятность того, что генотип будет постепенно меняться и приспособляться к новым условиям исчезающе мала. Одного такого генетического механизма достаточно, чтобы практически запретить отбор» [134, с. 188-189]. Такой «запрет» лишает всякого смысла основанный на отборе дарвинизм и умозрительно выведенные из него путём голой дедукции социалдарвинизм Г. Спенсера, мальтузианство и гипотезу антропогенеза Ф. Энгельса.
7. Не случайно от дарвинизма отошёл крупный российский биолог К. М. Бэр, а его ученик и соратник в исследовании флоры и фауны России Н. Я. Данилевский выступал с резкой критикой учения Ч. Дарвина.

Источники и литература

1. Кураев А. Женщина в церкви. – М.: Изд – во Эксмо, изд – во Яуза, 2004. – 172 с.
2. Мужчина произошёл от обезьяны? // Аргументы и факты в Украине. – 2009. - №8(653), – февраль. – С.5.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – Москва: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1997. – 240 с.
4. Старостин Б. А. От феномена человека к человеческой сущности // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – Москва: Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1997. – 240 с. – С. 3-36.
5. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Диалектика природы. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – Т.20. – С. 486-499.
6. Балувев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга: «Россия и Европа». – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 280 с.
7. Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. – Т.1. – Ч. 1. – СПб., 1885.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
9. Обезьяний процесс // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3 – е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 904.
10. Костюк Г. С. Ф. Энгельс и проблемы психологии // «Вопросы психологии», 1970, №6. – С. 3-15.
11. Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта. – М. – Л.: Изд – во АН СССР, 1949. – 269 с.
12. Спиркин А. Г. Происхождение сознания. – М., 1961. – 471 с.
13. Спиркин А. Г. Философия. Учебник. – 2 – е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
14. Тих Н. А. Предыстория общества. – Л.: Изд – во ЛГУ, 1970. – 371 с.
15. Тих Н. А. Ранний онтогенез поведения приматов. Сравнит. – психолог. Исследование [Предисл. проф. Б. Г. Ананьева]. – Л.: Изд – во ЛГУ, 1966. – 192 с.
16. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Соч. – М.: Изд – во АН СССР, 1953. – Ч.5. – 1040 с.
17. Джордж Мид и символический интеракционизм // История социологии в Западной Европе и США. – М., 2001. – С. 340-368.
18. Уоллес (Wallace) Алфред Рассел // Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). – Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3 – е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1974. – Ч.27. Ульяновск – Франкфорт. – 1977. – 624 с. – С. 68.
19. Уоллес (Wallace) Алфред Рассел // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3 – е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 1378.
20. Wallace A. R. Darwinism. An Exposition of the theory of Natural Selection. With some of its application. – London: Macmillan and Co., Ltd., 1901. – 494 p.
21. Wallace Alfred Russel // Children's Britanica. Volume 18, Tree to Wayfaring Tree: Encyclopaedia Britanica, Inc., 1994/ - 304 p. – P. 240-241.
22. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1966. – 216 с.
23. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. – 2 – е изд. доп. и испр. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
24. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857-1858 годов) // Экономические рукописи 1857-1859 гг. – Маркс К. и Энгельс Ф. – Соч.Б 2 – е изд. – т.46, ч. 1. – с.3-508. – С. 51-508.
25. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Соч., 2 – е изд. – Ч.3. – С. 7-544.
26. Неандертальцы могли разговаривать? // Интересная газета в Украине. Тайны истории. – 2007. – №11. – С. 5.
27. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – Ч.3. – С. 1-4.
28. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – М.: Изд – во АН СССР, 1957. – С. 226-242.
29. Леонтьев А. Н. Карл Маркс и психологическая наука // Вопросы психологии. - 1968. - №1. – С. 4-14.

МОЖЕТ ЛИ ЖИВОТНОЕ ПЕРЕЙТИ ОТ РЕФЛЕКТОРНОГО К БЕЗРЕФЛЕКТОРНОМУ, СИМВОЛИЧЕСКОМУ, ПОВЕДЕНИЮ? (ФИЛОСОФСКИЕ, БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ)

30. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд – во МГУ, 1959. – 496 с.
31. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд – во МГУ, 1965. – 574 с.
32. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд – во МГУ, 1972. – 576 с.
33. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1972. – 304 с.
34. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихического). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
35. Хрестоматия по психологии. Учеб. пособие для студентов пед. ин - тов / Под ред. проф. А. В. Петровского. Сост. И авт. Вводных очерков канд. Психол. Наук В. В. Мироненко. – М.: Просвещение, 1977. – 528 с.
36. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
37. Шовен Реми. От пчелы до гориллы. – М.: «Мир», 1965. – 296 с.
38. Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика. – СПб: Питер, 2006. – 432 с.
39. Валлон А. Психическое развитие ребёнка. – М.: 1967. – 196 с.
40. Анциферова Л.О. О диалектической концепции онтогенетического развития // Валлон Анри. Психическое развитие ребёнка. – М.: Просвещение, 1967. – 196 с. – С. 3-14.
41. Валлон А. От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии. – М., 1956. – 238 с.
42. Кэмпбелл Дж. Мифический образ / Дж. Кэмпбелл; Пер с англ. К. Е. Семёнова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 683 с.
43. Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. – 3 - е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.
44. Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. – М.: Мысль, 1976. – 520 с.
45. Маковский М. М. Язык – миф – культура: символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. – 1997. - №1. – С.73-96.
46. Свасьян К. А. Проблемы символа в современной философии: (критика и анализ). – Ереван: АН Арм. ССР, 1980. – 226 с.
47. Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. Ст. и примеч. Л. А. Сургай. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
48. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. – М.: МГУ, 1982. – 479 с.
49. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., Т.20. – С. 343-626.
50. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., изд. 1 – е. – т. XIV. – С. 483-484.
51. Райков Б. Е. Введение в автобиографию К. М. Бэра / К. М. Бэр. Автобиография. – М., 1950. – С. 15.
52. Иорданский Н. Что такое эволюция // Энциклопедия для детей, т. 2. Биология. – 5 – е изд., перераб. и доп. / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта +, 2001. – 704 с. – С. 157-162.
53. Любимова Т. Б. Предисловие к книге Рене Генона «Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира // В кн.: Генона Рене. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. – Пер. с франц. – М.: НППЦТ «Беловодье», 2004. – 304 с. – С. 3-7.
54. Ионин Л. Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. – М.: Наука, 1979. – 207 с.
55. Кон И. С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
56. Интеракционизм // Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с. – С. 213.
57. Символический интеракционизм // Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с. – С. 698.
58. Шамин Д. Н. Мид (Mead) Джордж Герберт//Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3 – е. – М.: «Советская энциклопедия», 1974. – т.16, Мёзия – Моршанск, 1974. – 616 с. – С. 211.
59. Mead George Herbert//Meyers Enzyklopädisches Lexikon – Band 15: Let – Mek. – 848 s. – Bibliographisches Institut. – Mannheim/Wien/Zurich. – s. 803.
60. Mead G. H. The philosophy of the present. Chicago: London, 1932.
61. Mead G. H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
62. Mead G. H. Geist, Identitat and Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. [hg. von Ch. W. Morris], 1934.
63. Mead G. H. Geist, Identitat and Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. [hg. von Ch. W. Morris], 1947.
64. Mead G. H. Geist, Identitat and Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. [hg. von Ch. W. Morris], 1948.
65. Mead G. H. The philosophy of the act. Chicago, 1938.
66. Піча В. М. Соціологія: загальний курс. Навчальний посібник для студентів вищих закладів освіти України. – К. : «Каравела». – 2000. – 248 с.
67. Погорілий О. І. Соціологічна думка ХХ століття: Навч. посібник. – К.: Либідь. – 1996. – 224 с.

68. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращённый перевод с английского В. Б. Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г. В. Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
69. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращённый перевод с английского В. Б. Ольшанского. – М.: Астана: Ростов-на-Дону: Феникс. – 1999. – 544 с.
70. Масаев М. Смысл и назначение истории (философско-историко-методологический аспект по К. Ясперсу) // Голос избирателя. – 1995. - №9 (86). – 18 марта. – С. 4.
71. Масаев М. В. Крымскотатарские генералы (Кая бей Балатуков и Ахмед бей Хункалов): исторические портреты // Доля. – 1999. – №1 (8). – С. 19-24.
72. Масаев М. В. Образ пострадянської демократії в рамках інтервального підходу (філософсько-історичний аспект) // Політологічний вісник. – Київ, 2000. – №7. – С. 116-124.
73. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох // Культура народов Причерноморья. – 2000. – №14. – С. 132-136.
74. Масаев М. В. Чернобыль как символ // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 10-13.
75. Масаев М. В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 14-15.
76. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 16-30.
77. Масаев М. В. Феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 31.
78. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 21. – С. 210-221.
79. Масаев М. В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 22. – С. 199-205.
80. Масаев М. В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей эпохи // Международное право. – 4/2001/13. – С. 296-304.
81. Масаев М. В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 35. – С. 147-150.
82. Масаев М. В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Крым на пороге XXI века: культура, наука, политика, экономика, экология. Материалы II Всеукраинской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных Крыма. – Симферополь, 2003. – С. 102-104.
83. Масаев М. В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Н. Я. Данилевский и русская идея в XXI веке (к 180-й годовщине со дня рождения). Памятные чтения. – Симферополь: ООО ТЦ «Московский мост», 2003. – С. 52-54.
84. Масаев М. В. Глобальные и региональные геополитические и международно-правовые последствия атлантического выбора Украины на фоне формирования парадигмального образа новой цивилизации (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 48. – Т. 1 – С. 160-168.
85. Масаев М. В. Теория и практика политического анализа // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 50. – Т. 2 – С. 158-159.
86. Масаев М. В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 55. – Т. 3 – С. 203-204.
87. Масаев М. В. Феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2 – С. 96.
88. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2 – С. 96-106.
89. Масаев М. В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – Т. 2 – С. 148-149.
90. Масаев М. В. Символизм древнерусской культуры как зрительного образа в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 63. – С. 135-139.

МОЖЕТ ЛИ ЖИВОТНОЕ ПЕРЕЙТИ ОТ РЕФЛЕКТОРНОГО К БЕЗРЕФЛЕКТОРНОМУ, СИМВОЛИЧЕСКОМУ, ПОВЕДЕНИЮ? (ФИЛОСОФСКИЕ, БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ)

91. Масаев М. В. Образ православной церкви как апокалиптической жены (В свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - №63. – С. 153-156.
92. Масаев М. В. Роль библейского символа в превращении русских в россиян // Культура народов Причерноморья. – 2005. - №64. – С. 104-106.
93. Масаев М. В. Цветная политика в системе парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторические и политологические аспекты) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 64. – С. 106-109.
94. Масаев М. В. Збручский идол как символ русского народа и парадигмальный образ восточнославянской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 65. – С. 111-115.
95. Масаев М. В. Образ Святой Руси как парадигмальный символ православной цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 65. – С. 140-144.
96. Масаев М. В. Христианская символика Рене Генона // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 66. – С. 131-132.
97. Масаев М. В. Христианский символизм Джона Бэлдока // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 67. – С. 150.
98. Масаев М. В. К вопросу о роли символа в социологической науке // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 68. – С. 69-72.
99. Масаев М. В. Киев как символ мировой православной цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 219-222.
100. Масаев М. В. К вопросу о роли символа в социологической науке (в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 73. – С. 264-269.
101. Масаев М. В. Формирование парадигмального образа инновационной модели образования: трудности и пути решения // Розвиток міжнародного співробітництва в галузі освіти у контексті Болонського процесу: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, Ялта (15-16 березня 2006 року). – Ялта: РВУЗ КГУ, 2006. – 244 с. – С. 85-88.
102. Масаев М. В. Карл Маркс и символический интеракционизм (К вопросу о роли символа как категории философии истории) // Вісник Дніпропетровського університету. – 2006. – Вип.. 13. – С. 163-174.
103. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества древнего мира в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. - № 81. – С. 110-112.
104. Масаев М. В. Троица как символ христианства и символ структуры человеческого духа в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. - № 82. – С. 68-71.
105. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Средних веков в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 85. – С. 138-141.
106. Масаев М. В. Карл Маркс и символический интеракционизм и марксизм. К вопросу о роли символа как категории философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 85. – С. 141-146.
107. Масаев М. В. Символический интеракционизм и марксизм. К вопросу о роли символа как категории философии истории // Перспективы. – 2006. – № 1 (33). – С. 111-117.
108. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Нового и Новейшего времени в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 86. – С. 111-116.
109. Масаев М. В. Онтологическое измерение структуры парадигмального образа как категории философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 89. – С. 112-119.
110. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Нового и Новейшего времени в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций (философско-исторический аспект) // Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2005. – № 2 (16). – С. 94-100.
111. Масаев М. В. Аксиологическое измерение структуры парадигмального образа как категории философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 95. – С. 53-60.
112. Масаев М. В. Праксиологическое измерение структуры парадигмального образа в качестве символа эпохи или цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 104. – С. 118-122.
113. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2007. - № 108. – С. 102-104.
114. Масаев М. В. Символ как категория философии истории в Новое и Новейшее время // Вестник СевНТУ. Вып. 78: Философия. Сб. науч. тр. / Редкол.: Ю. А. Бабинов (отв. ред.) и др.; Севастоп. Нац. техн. ун-т. – Севастополь: изд-во СевНТУ, 2006. – 276 с. – С. 70-80.

115. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Древнего мира в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Вісник Дніпропетровського університету. – 2006. – Вип. 14 (Філософія. Соціологія. Політологія). – С. 128-132.
116. Масаев М. В. Гносеологическое измерение структуры парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2007. - № 118. – С. 103-113.
117. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
118. Масаев М. В. Эрнст Кассирер и его нестандартный взгляд на символ как предмет философии истории // Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с. – С. 41-43.
119. Масаев М. В. История как борьба за символическую власть // Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с. – С. 194-220.
120. Масаев М. В. Гносеологический аспект формирования парадигмального образа инновационной модели образования (философско-историческое измерение) // Розвиток міжнародного співробітництва в галузі освіти у контексті Болонського процесу: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 15-16 березня 2007 року, м. Ялта. – Ялта: РВНЗ КГУ, 2007. – С. 141-143.
121. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала и носительница символической власти (тезисы докладов международной конференции «Интеллигенция, её роль в поиске гражданского согласия в условиях общества переходного периода, Симферополь, 23-26 мая 2008 года) // Культура народов Причерноморья. – 2008. - № 134. – С. 31-32.
122. Масаев М. В. Символизм русской религиозной философии в свете концепций парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов // Колізії синтезу філософії і релігії в історії вітчизняної філософії (до 180-річчя Семена Франка). Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. – Вип.. 7. – Полтава: АСМІ, 2007. – 636 с. – С. 581-598.
123. Масаев М. В. Символический капитал как категория философии истории // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). - № 1. – Сер. «Философия. Социология». – С. 190-199.
124. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). - № 3. – Сер. «Философия. Социология». – С. 58-63.
125. Масаев М. В. Интеллигенция как субъект символического капитала (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2008. - № 144. – С. 116-118.
126. Масаев М. В. Постигание дипластики как ключа к генезису символа (философско-исторический и психологический аспект) // Сучасні наукові досягнення. – 2008: Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. – В 3 – х т. – Т. III. – Миколаїв: НУК, 2008. – 300 с. – С. 258-278.
127. Масаев М. В., Лушкіна В. О. Сучасні аспекти філософії освіти в Україні у контексті осягнення становища вітчизняного досвіду // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. – К.: Поліграфічний центр «Фоліант», 2007. – Т. XIII. – 572 с. – С. 86-89.
128. Масаев М. В. Парадигмальні образи й символи історії України та їх роль у формуванні національно свідомої особистості в епоху демократичного оновлення України // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. – К.: Поліграфічний центр «Фоліант», 2007. – Т. XIII. – 572 с. – С. 325-329.
129. Масаев М. В. Дипластика как ключ к генезису символа (философско-исторический и психологический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2008. - №147. – Т.2 – с. 7-17.
130. Иорданский Н. Естественный отбор и другие факторы эволюции // Энциклопедия для детей, т.2. Биология. – 5 – е изд., перераб и доп. / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта +, 2001. – 704 с. – С. 167-175.
131. Иорданский Н. Макроэволюция // Энциклопедия для детей, т.2. Биология. – 5 – е изд., перераб. и доп. / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта +, 2001. – 704 с. – С. 175-178.
132. Иорданский Н. Закономерности эволюции // Энциклопедия для детей, т.2. Биология. – 5 – е изд., перераб. и доп. / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта +, 2001. – 704 с. – С. 178-184.
133. Иорданский Н. Направления эволюции организмов // Энциклопедия для детей, т.2. Биология. – 5 – е изд., перераб. и доп. / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта +, 2001. – 704 с. – С. 185-187.
134. Коротков К. Теория эволюции после Дарвина // Энциклопедия для детей, т.2. Биология. – 5 – е изд., перераб. и доп. / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – М.: Аванта +, 2001. – 704 с. – С. 187-189.
135. Ватикан помирился с Дарвином // Совершенно секретно. – 2009. – № 03/238. – март. – С. 4.